

*М. П. Паганелли***КАТЕГОРИИ БОГАТСТВА И МОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ТРУДАХ А. СМИТА*****Введение**

Книга Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [19] часто ассоциируется с идеей о том, что индивидuum, желая улучшить свое положение, приносит пользу себе, а также непреднамеренно и обществу. В данной статье утверждается, что, по Смит, при определенных обстоятельствах стремление индивидуума к улучшению своего положения *не всегда* приносит ему процветание и может оказывать дестабилизирующее влияние на общество. Значительное богатство может создать превратные стимулы, ведущие к разрушению взаимосвязи между пользой, получаемой индивидуумом и обществом, которое может выражаться либо как ухудшение положения индивидуума в процессе обогащения общества, либо как ухудшение состояния общества, сопровождающееся обогащением отдельного индивидуума.

Смит выводил стремление к улучшению своего положения из врожденного желания получить одобрение других людей. Чем богаче человек, тем большее богатство он сможет предъявить и будет предъявлять людям, и тем большего одобрения и более высокого статуса он сможет добиться. Если торговля скудна, то она не позволяет приобрести больших богатств, которые можно продемонстрировать. Желание получить одобрение, ограниченное относительной бедностью общества, в целом дает положительные результаты. Оно заставляет людей упорно трудиться, производить больше товаров лучшего качества для того, чтобы представить себя в выгодном свете. Индивидуумы и общество становятся богаче, хотя рост благосостояния общества не входил в планы индивидуумов. Такой ход событий чаще всего подразумевается, но Смит не ограничивался этим.

Когда коммерческое общество создает в больших количествах новое богатство, объект желания становится практически неограниченным. Большое благосостояние, приобретаемое с помощью торговли, подталкивает людей ради повышения статуса к присвоению богатства, выставлению его напоказ, нарушению баланса между добром и злом, от которого зависит прогресс индивидуума и общества. Описывая общество, благосостояние которого

Мария Пиа ПАГАНЕЛЛИ — доцент экономического факультета Университета Иешивы, г. Нью-Йорк. В 1996 г. получила степень бакалавра политологии. В 1999 г. стала магистром экономики, а в 2002 г. получила степень доктора (Ph.D.) экономики. Автор 11 статей, опубликованных в реферируемых журналах. Является рецензентом в ряде ведущих западных экономических журналов.

© М. П. Паганелли, 2009

© Г. В. Борисов, перевод, 2009

связано с коммерческой деятельностью, Смит указывал, что естественное стремление к одобрению, основанное на желании улучшить свое положение, имеет следствием не только обогащение индивидуума и общества, но и возможное ухудшение положения отдельных лиц, например феодалов или духовенства, а также проведение такой пагубной для общества политики, как меркантилизм.

Ключом к пониманию роли, которую играют в [19] концепции одобрения и желания улучшить свое положение, выступает анализ категории одобрения, проделанный Смитом в «Теории нравственных чувств» [18]. Подобная позиция основывается, по крайней мере, на трех различных интерпретациях взглядов Смита, имеющих место в литературе, представляя собой их обобщение.

Во-первых, автор придерживается подхода, в соответствии с которым [18] и [19] рассматриваются как два тома неоконченной трилогии. Третий том этой трилогии мог бы быть представлен сочинением, элементы которого содержатся в «*Лекциях по юриспруденции*»^{2*}. И в [18], и в [19] индивидуумы представлены как субъекты, которые стремятся получить одобрение других людей. В обеих книгах принимается, что обладание материальной собственностью и пристойное с точки зрения окружающих поведение являются основанием для получения одобрения.

Во-вторых, настоящая статья представляет собой развитие подхода, в котором рассматривается идея Смита о том, что улучшение общества является непреднамеренным результатом стремления индивидуумов к улучшению своего положения. Под развитием подхода понимается рассмотрение условий, при которых улучшения могут не иметь места [15; 16].

В-третьих, данная работа вносит вклад в изучение отношения Смита к общественно вредной практике, получившей в настоящее время название поиска ренты в меркантилистской системе [2; 12].

Хотя вышеуказанные интерпретации идей Смита не выделяются в данной статье, они лежат в ее основе. Благодаря сужению и изменению предмета исследования статья дополняет их. В работе проводится анализ всех обстоятельств, при которых осуществляется наше желание улучшить свое положение, а не только условий, обеспечивающих положительные результаты. Автор рассматривает общественные последствия, вытекающие из желания индивидуума улучшить положение, и результаты, имеющие место на индивидуальном уровне. В данной работе не только признается, что положительные результаты могут существовать, но и изучаются причины их отсутствия. Все это позволяет добиться большей полноты изложения.

Такая интерпретация помогает взглянуть на Смита как на мыслителя, который четко выражает свои мысли, хотя обычно считается, что это не так. В статье Смит предстает ученым, который осознавал не только выгоды, но и затраты и риски, связанные с развитием общества, основу которого составляет торговля. Данная интерпретация масштабной картины, описанной Смитом, имеет свои достоинства и недостатки (см., напр.: [21; 22]). Не приуменьшая пользу, получаемую от наличия большого богатства, она помогает определить некоторые потенциальные риски, связанные с этим. Смит предупреждает нас, что безудержное щегольство богатством может привести индивидуума к краху, от которого он не оправится. Может быть полезным и его предупреждение о том, что изобилие богатства создает почву для некоторых искушений. На выгоды, проистекающие из торговли, могут покушаться занимающиеся поиском ренты лица, которые стремятся улучшить свое положение за счет всех остальных. Идеи Смита могут иметь значение как для современных стран с развитым коммерческим сектором, так и для переходных и развивающихся стран (см., напр.: [23]). Вопрос о том, прав в действительности Смит или нет, здесь не рассматривается.

Статья имеет следующую структуру. В первом разделе описывается, почему человек имманентно стремится к получению одобрения других людей, а также рассматриваются используемые им средства — соответствующее моральное поведение и демонстрация богатства.

Во втором разделе рассматриваются угрозы для стабильности общественного и индивидуального благосостояния, проистекающие из стремления улучшить свое положение, которое снимает ограничения с неприемлемых с моральной точки зрения действий. Процветающее общество с развитой торговлей создает предпосылки разорения не только отдельных процветающих индивидуумов, но также и общества в целом. Вместо улучшения положения некоторые земельные собственники и представители духовенства разоряются в безуспешных попытках получить одобрение других людей. Отдельные торговцы могут разорить, а не обогатить общество, пытаясь получить огромное богатство, которое дают покровительство и монополии. Некоторые люди принимают участие во фракциях для того, чтобы получить одобрение лиц, имеющих такое же положение, ставя под угрозу общественную стабильность.

В третьем разделе рассматривается пример, который Смит использовал в [18]. В нем описывалось, каким образом человек, желающий получить одобрение, может улучшить свое положение и благосостояние общества, при условии, что одобрение достигается с помощью как морального поведения, так и демонстрации богатства.

В заключительной части статьи сформулированы выводы.

I. Роль одобрения в человеческом поведении

По Смиту основанием для одобрения являются как соответствующее моральное поведение, так и общественный статус, ассоциирующийся с обладанием богатством. Увеличение богатства позволяет получить большее одобрение, так как мы склонны восхищаться богатыми и великими людьми, презирая тех, кто беден и находится в стесненных условиях [18, I.iii. 3, p. 61–66]. В данной статье мы ограничились изучением вопроса о влиянии благосостояния, который рассмотрен как в [18], так и в [19]. Краткий анализ влияния улучшения нравственности будет дан для того, чтобы сделать изложение более ясным, однако в центре нашего внимания останутся последствия получения одобрения путем демонстрации материального успеха.

Смит утверждает, что «исходное желание доставить удовольствие своим собратьям и нежелание обидеть их» может способствовать нравственному поведению [18, III. 2.6, p. 116]. Чтобы доставить удовольствие нашим собратьям, мы вынуждены вести себя так, как, по нашему мнению, они вели бы себя на нашем месте, при условии, что, во-первых, «симпатия других людей с проявлением всех эмоций, присущих человеку, доставляет людям не сравнимое ни с чем удовольствие» и, во-вторых, «недостаток симпатии является источником страданий» [18, I.i. 2.1–2, p. 13].

Мы достигнем цели, если с помощью воображения поместим себя в шкуру другого человека. Данная процедура по своей природе несовершенна, так как мы непосредственно находимся в ситуации, которая для других является только воображаемой (по поводу обратной зависимости между симпатией и дистанцией см., напр.: [1; 7; 10; 4]). Наша реакция сильнее, чем у других людей, так как ситуация касается нас в большей степени, чем их. Следовательно, для того чтобы получить одобрение других людей, мы должны контролировать наши эгоистические желания и «подстроить силу» наших переживаний к такому уровню, который, по нашему мнению, является ожидаемым [18, I.ii, p. 27–43].

Смит в [18] объясняет, что, взаимодействуя с другими людьми и получая от них одобрение, человек приобретает привычку вести себя правильно и добродетельно. Этот процесс усиливается благодаря наличию у человека естественного инстинктивного желания быть достойным похвалы других людей, а не просто желанием быть похваленным. Быть достойным одобрения — означает получить его от своего «внутреннего Я» — «голоса нашей совести». Именно сочетание типов поведения, позволяющих получить одобрение как «внутреннего Я», так и других людей, приводит, в конечном счете, к появлению моральных норм, которые обеспечивают общественную гармонию.

Желание получить одобрение также удовлетворяется с помощью очевидного накопления богатства. И действительно, люди накапливают богатство для того, чтобы получить одобрение других людей. Смит занимал четкую позицию в этом вопросе. Он писал, что «мы демонстрируем наши богатства и скрываем бедность именно из-за того, что человеческое существо скорее будет благожелательно относиться к нашей радости, чем к печали... Мы гонимся за богатством и избегаем бедности в основном из-за такого отношения к человеческим чувствам... Откуда тогда возникает... эта великая цель человеческой жизни, которую мы называем улучшением наших условий? Мы лишь рассчитываем, что будем замечены, нам уделят внимание, нас отметят с симпатией, удовлетворением и одобрением — только эти выгоды мы надеемся получить. Тщеславие, а не лень или желание получить удовольствие, определяет наши интересы... Тщеславие всегда основывается на убежденности в том, что мы будем объектами внимания и одобрения. Богач наслаждается своим богатством, так как он чувствует, что оно естественным образом привлекает к нему внимание всего мира... Бедняк, наоборот, стыдится своей бедности. Он чувствует, что бедность является причиной того, что люди не замечают его, либо когда на него все-таки обращают внимание, то не проявляют симпатии к нему из-за нищеты и горя, от которых он страдает» [18, I.iii.2.1, p. 50–51].

В [19] дано похожее описание желания накапливать богатство. Например, Смит пишет, что серебряный котел лучше оловянного, а золотой лучше серебряного. Причина заключается в том, что «для большинства богатых людей наибольшее удовольствие, приносимое богатством, состоит в его демонстрации, которая, по их мнению, является окончательной только тогда, когда им удастся продемонстрировать обладание такими бесспорными знаками состоятельности, которыми никто другой не может обладать, кроме них самих» [19, I.xi. c. 31, p. 190].

Желание получить одобрение в основном ведет к положительным результатам. Но последствия могут быть и неоднозначными в случае если нравственное поведение не позволяет получить большого одобрения, в то время как одобрение, достигаемое с помощью демонстрации богатства, значительно. Последнее может перевесить неодобрение, вызываемое аморальностью методов, используемых для приобретения демонстрируемого. Благополучие отдельных людей или общества может ухудшиться именно тогда, когда для удовлетворения желания улучшить свое положение индивидуумы используют неодобряемые средства. И искушение заняться постыдным с моральной точки зрения поведением растет по мере увеличения богатства общества.

II. Одобрение и отсутствие улучшения благосостояния индивидуумов или общества

Сила восхищения, выражаемого в адрес очень богатых людей, может побудить индивидуумов заниматься презренным делом для того, чтобы иметь возможность выставить напоказ большое количество материального богатства. Демонстрируя богатство, богачи получают одобрение, в то время как их порочное поведение благосклонно игнорируется.

Действительно, одобрение, получаемое богатыми людьми только благодаря их богатству, обычно достаточно велико для того, чтобы затмить неблагоприятность многих предосудительных в иных обстоятельствах поступков. Когда общество бедно, возможности для демонстрации ограничены и доступны немногим людям. Стремление к улучшению своего положения обычно ведет к непреднамеренному росту благосостояния общества.

С другой стороны, по мере того как общество становится богаче, все большее число индивидуумов получают возможность затмить других людей. В случае, когда богатство изобильно, поведение, которое вызывает большое неодобрение, может очень хорошо вознаграждаться материально. Но оно может также иметь неблагоприятные последствия как для индивидуума, так и для самого общества.

В [18] в главе под названием «О разложении нашей нравственности, которое происходит под воздействием того, что мы предрасположены восхищаться богатыми и знатными лицами и презирать или игнорировать бедных и нуждающихся людей», написанной после завершения [19], Смит утверждает следующее: «Баловни фортуны слишком часто отказываются идти дорогой добродетели... Следовательно, они часто занимаются не только мошенничеством и обманом, обычным и вульгарным искусством интриги и заговора, но иногда совершают наиболее тяжкие преступления, такие как убийства обычных людей или политических деятелей, бунты и гражданские войны для того, чтобы вытеснить или уничтожить тех, кто сопротивляется или стоит на пути к их величию» ([18, I.iii. 3.8, p. 64–65]).

Почему люди отказываются идти дорогой добра, если безнравственное поведение не получает позитивной оценки? Смит считает, что огромное восхищение может служить вознаграждением для индивидуума, совершающего поступки, не одобряемые людьми. Труднее разглядеть добродетель, чем сверкающее и блестящее показное богатство. Так люди гонятся за богатством, когда оно доступно, даже за счет добродетели.

Смит пишет следующее: «Мы часто можем видеть, что почтительное внимание мира обращено на богатых и великих, а не на мудрых и добродетельных. Мы часто замечаем, что пороки и безрассудства сильных мира сего презираются намного меньше, чем бедность и слабость невиновных... Две разные дороги даны нам, обе в равной степени ведущие к столь желанному объекту [уважению и восхищению человеческих существ]. Одна из них – приобретение мудрости и упражнение в добродетели, другая – приобретение богатства и власти. Два разных типа характеров даны для подражания. Один состоит в надменном честолюбии и хвастливой жадности, другой заключается в застенчивой скромности и беспристрастной справедливости. Две различные модели, две картины даны нам, в соответствии с которыми мы можем формировать свой характер: один имеющий более кричащую и *блестящую* раскраску, другой с более точными и изысканно красивыми очертаниями. Один выставивший себя на *обозрение праздного любопытства* (курсив наш. — М. П.), другой привлекающий внимание не каждого встречного, а лишь наиболее старательного и внимательного наблюдателя... Несметная людская толпа состоит из обожателей и поклонников, что самое интересное, как правило, бескорыстных обожателей и поклонников, богатства и величия» ([18, I.iii. 3.2, p. 62]).

В шестой части [18] Смит пишет то же самое, утверждая, что несметная людская толпа больше очарована величием богатства, чем мудростью и добродетелью, так как блеск богатства заметнее и узнаваемее. «[Наше] очарование величием... настолько сильно, что богатство и власть часто предпочитают мудрости и добродетели... Невидящее око людской толпы довольно хорошо воспринимает [простую и очевидную разницу в происхождении и состоянии] и с трудом различает [невидимые и часто нечеткие различия в мудрости

и добродетели], которые порой позволяет заметить проницательность благоразумных и целомудренных людей [18, VI.ii. 1.20, p. 226].

Смит утверждает, что «тот же принцип», который заставляет «несметную людскую толпу... почтительно смотреть... с удивлением... и глупым восхищением» на «богатство и знатность», приводит людей в восторг от успехов великих завоевателей. Мы не проводим различия между «такими блестящими личностями, как Цезарь и Александр Великий, [и] brutальными, дикими варварами, какими были Атилла, Чингисхан или Тамерлан», так как все они имели успех [18, VI.iii. 30, p. 253].

Кроме того, отблески богатства часто не только оказывают дурное влияние на поступки, но и подавляют возможные добродетельные качества у великих политических лидеров. «Внешняя манерность, поверхностная образованность того дерзкого и глупого существа, которое называется светским человеком, обычно вызывает больше восхищения, чем надежная и мужественная добродетель воина, государственного деятеля, философа, законодателя. Все возвышенные и величественные добродетели, все качества, пригодные для службы в совете, сенате или для воинского дела, всячески высмеиваются и презируются наглými и ничтожными льстецами, красующимися в таких развращенных обществах» [18, I.iii. 3.6, p. 63].

Действительно, в [19] нет упоминания о добродетельных или порочных «великих завоевателях», тогда как легкомысленный, глупый и, несмотря на это, богатый «светский человек» присутствует здесь во всей своей красе так же, как и в [18]. В главе II книги IV [19] Смит пишет о «безрассудном» поведении «капризного светского человека», который предпочитает «инострannую галантерею просто потому, что она иностранная, хотя отечественные товары того же сорта дешевле и качественнее» [19, IV.ii. 41, p. 469]. Этого же вопроса он касается в главе I книги V, где сообщает о том, что к некоторым поступкам, «считающимся крайне отвратительными», если они совершены бедным «простонародьем», «как правило, относятся весьма попустительски, легко извиняя и полностью прощая» за них тогда, когда они сделаны богатым «светским человеком» [19, Vi.g. 10, p. 794].

Согласно Смиуту, это происходит потому, что в каждом *цивилизованном обществе*, в любом обществе, где однажды *полностью сформировались* различия в положении, всегда существуют в одно и то же время две различные действующие схемы или системы морали, одна из которых может быть названа прямой или строгой, в то время как другая – либеральной, свободной. В цивилизованных обществах состоятельные люди оцениваются в соответствии со «свободной» системой морали, так как они богатые, в то время как для бедных предназначена «строгая» система, так как они не богаты.

Блеск богатства затмевает неодобрение, связанное с неблагоприятностью средств его достижения. Чем богаче общество, тем сильнее стремление увеличить свой материальный статус настолько, чтобы прирост одобрения был больше, чем его уменьшение из-за неприемлемости средств достижения богатства^{3*}. В таком обществе искушению подвергается большее число людей. Промышленность и торговля создают большие ценности – много сверкающего богатства, доступного многим людям.

«Светский человек» – это продукт богатого общества с развитой торговлей. Он не одинок, так как существует в светских кругах, объединяющих людей его положения. Он выделяет себя из числа других людей с помощью курьезных безделушек: «зубочисток, палочек для чистки ушей, машинок для стрижки ногтей» или «бриллиантовых пряжек» и «инострannой галантереи» ([18, IV.i. 8, p. 182]). Безделушки и пустяки придают больший романтический ореол человеку, чем овцы и слуги. Они также увеличивают мотивацию к совершению сомнительных в моральном отношении поступков.

Приведем несколько примеров, показывающих, что из-за увеличения размера богатства в странах с развитой торговлей желание получить одобрение побуждает к совершению неодобряемых поступков, которые могут иметь потенциально вредные последствия либо для индивидуума, либо для общества. В первом примере рассматривается случай, когда индивидуумы – феодальные лорды и высшее духовенство – в попытках пустить пыль в глаза ухудшают свое положение вместо того, чтобы улучшить его, в то время как общество тем не менее получает незапланированные выгоды. Во втором примере рассматривается ситуация, когда общественное благосостояние находится под угрозой, в то время как индивидуумы – торговцы, промышленники и члены фракций – получают выгоды.

Искры коммерческого богатства разжигают пламя революций, которые никакие армии и никто из здравомыслящих людей не способны совершить. Смит утверждает, что «вся жестокость феодальных институтов не смогла сделать того, что постепенно совершило тихое и незаметное функционирование внешней торговли и промышленности» ([19, III. iv. 10, p. 418]). Подобным образом «огромный, отлаженный механизм [феодальной системы Римской католической церкви], который не то чтобы ниспровергнуть, даже поколебать были не в силах вся мудрость и добродетели человека, был... сначала ослаблен, затем частично разрушен, и в течение будущих нескольких столетий будет, видимо, полностью уничтожен. Те же самые причины, которые уничтожили власть крупных баронов, — постепенные улучшения в области ремесел, промышленности и торговли — таким же образом уничтожили на территории большей части Европы всю светскую власть духовенства» ([19, V. i. g. 24–25, p. 803]).

Смит дает следующее объяснение данного процесса: «У любого человека потребность в пище ограничена скромными возможностями человеческого желудка, но стремление к комфорту и украшению жилища, одежды, экипажа, и домашней мебели, по-видимому, не имеет предела или определенных границ» ([19, I. xi. c. 7, p. 181]). Это означает, что в относительно бедных обществах с неразвитой торговлей существует не так много вещей, на которые можно потратить состояние в случае если хочется чего-то особенного. Смит пишет: «В стране, которая не имеет ни внешней торговли, ни искусных ремесел, крупный собственник находится в положении, когда ему не на что потратить большую часть продукта своей земли, превышающую размер средств существования земледельцев, и поэтому потребляет его целиком дома с сельским радушием» ([19, III. iv. 5, p. 413]).

Таким образом, получаем, что «[в] странах, где богатч не может потратить свой доход каким-либо иным образом, нежели как на содержание такого количества людей, какое ему по средствам, богатые люди не склонны к растратам. Их щедрость, по-видимому, редко бывает настолько велика, чтобы пытаться содержать большее число людей, чем они могут себе позволить» ([19, III. iv. 16, p. 422]). В обществах с неразвитой торговлей желание продемонстрировать свое богатство ограничено редкостью материальных благ.

Когда появляются внешняя торговля и промышленность, «общественное богатство» растет ([19, II. iii. 42, p. 349]). Теперь имеется множество товаров, которыми можно щеголять и на покупку которых можно тратить состояния. Вместе с богатством и изобилием торговли и промышленности появляются пустяковые безделушки, потребление которых не имеет предела, так как «если человек может тратить наибольшую часть дохода на свою собственную персону, его расходы часто не имеют границ потому, что тщеславие и любовь к самому себе зачастую безграничны» ([19, III. iv. 16, p. 422]).

Появление роскошных безделушек — плодов богатства торговли и промышленности — увеличивает заинтересованность индивидуума в таком поведении, которое, казалось

бы, заслуживает неодобрения окружающих людей. Смит пишет: «Все нам и ничего другим — по-видимому, во все времена творец человечества руководствовался этой подлой максимой. Следовательно, как только [крупные бароны] обнаружили способ, который позволял им самостоятельно потреблять всю величину ценности их ренты, они потеряли желание делить ее с кем-либо еще» ([19, III. iv. 10, p. 418]).

Похожим образом, анализируя упадок светской власти церкви, Смит утверждает, что «духовенство, как и крупные бароны, обнаружило [в] совокупном продукте ремесел, промышленности и торговли то, на что они могли обменять свою необработанную продукцию. Следовательно, они обнаружили способ, позволяющий израсходовать все их доходы на самих себя» ([19, V.i.g. 25, p. 803]). Представители духовенства начали тратить на свои нужды то, что было предназначено для благотворительных целей или для помощи бедным. Вряд ли можно было назвать такое поведение одобряемым.

Кроме того, язык, который Смит использовал для описания поведения феодальных лордов, отличался от стиля, использованного в [19] и [18] для изображения «благоразумного человека», достойного похвалы и всяческого одобрения. По его мнению, отличительной особенностью баронов являлось «*абсолютно ребяческое, исключительно жестокое и наиболее низменное тщеславие*», которое делало их неисправимыми рабами блеска «возможно, пары бриллиантовых пряжек, или... чего-нибудь *пустякового и бесполезного*» (курсив наш. — М. П.) ([19, III. iv. 10, p. 418–419]).

Неудовлетворенный этими обвинениями, Смит возвращается к данному вопросу пятью абзацами ниже и пишет, что лорды гонялись за «безделушками и пустяками, которые *больше годились на роль детских игрушек*, чем для серьезных занятий» ([19, III. iv. 15, p. 421]). Вряд ли можно сказать, что такой стиль преисполнен одобрения, скорее он указывает на поведение, к которому относится неодобрительно.

В этих условиях предосудительное поведение, по-видимому, не способствовало, по крайней мере в длительной перспективе, получению желаемого прироста одобрения путем выставления напоказ материальной собственности. Крупные собственники — бароны и духовенство — стремились обменять свою огромную власть на «безделушки и пустяки». «[Внешняя торговля и мануфактуры] постепенно снабжали крупных собственников тем, на что они могли бы обменять... средства существования, или, что то же самое, ценность годовых средств существования тысяч людей, а с ними все влияние и власть, которые они давали». В процессе этого обмена «они постепенно разменяли всю свою власть и авторитет» ([19, III. iv. 10, p. 418–419]).

Смит повторяет, что «продав свои права, данные от рождения... они стали столь же незначительными, как и любой зажиточный горожанин или городской торговец» ([19, III. iv. 15, p. 421]). Кто будет смотреть с почтением и восхищением на незначительного человека?

Кроме того, к несчастью для духовенства и баронов потеря власти и авторитета была усугублена дальнейшими утратами. Духовенство теряло не только светскую и духовную власть, но и одобрение, которое обычно сопровождает демонстрацию богатства. Не только «светская власть духовенства — то абсолютное господство, которое оно когда-то имело над значительной частью населения — было в значительной степени уничтожено... [но даже] его духовный авторитет был сильно ослаблен... Люди более низкого положения больше не относились к этому порядку так, как раньше, они были раздражены и *возмущены*» (курсив наш. — М. П.) тщеславием, роскошью и размером расходов более богатого духовенства, которое, как оказалось, тратит в свое удовольствие то, что раньше всегда предназначалось для бедных» ([19, V.i.g. 25, p. 804]).

Бароны потеряли не только политическую власть и унаследованные права, но также поместья и собственность, принадлежавшие их семьям на протяжении многих столетий. Смит пишет, что «несмотря на суровые законы, направленные на предотвращение *мотовства* (курсив наш. — М. П.), в странах с развитой торговлей... богатство очень редко принадлежит одной и той же семье в течение длительного времени» [19, III. iv. 16, p. 422]. В обществах с развитой торговлей собственники у богатства меняются достаточно часто.

Действительно, «семьи с древней родословной, передававшие значительное состояние от отца к сыну на протяжении многих, следующих друг за другом, поколений, очень редки в странах с развитой торговлей» [19, III. iv. 16, p. 421]. Это происходило потому, что прежние собственники иногда «потребляли в таком большом количестве... что вынуждены были занимать под проценты для того, чтобы вернуть долги» [19, II. iv. 3, p. 350]. Смит пишет, что провинциальные дворяне брали в долг под заклад имений и *не* предполагали использовать одолженные суммы на какие-либо производительные цели потому, что они, можно сказать, в массе своей потратили взятые займы еще до того, как взяли в долг. В конечном счете им приходилось продавать свои унаследованные права и поместья, которые приобретались богатыми торговцами, чувствующими себя на вершине счастья.

Таким образом, согласно Смиту, «безрассудство» людей, потворствующих «абсолютно ребяческому тщеславию», привело к утрате земель, титулов, богатств, принадлежащих одним и тем же семьям из поколения в поколение, а также к исчезновению власти и репутации духовенства. По-видимому, членам таких семей и представителям духовенства не удалось улучшить свое положение, по крайней мере, в длительной перспективе, несмотря на их стремление к этому.

Тем не менее Смит пишет, что даже если желание улучшить свое положение не привело к увеличению благосостояния баронов и духовенства, оно способствовало незапланированному росту богатства общества. Предосудительное ребяческое расточение власти, фамильного богатства и того, что предназначалось для помощи бедным, на пустяковые безделушки не только привело к не предполагавшейся ликвидации феодальных институтов, но также стимулировало улучшения в области обработки земель.

Смит утверждает, что на самом деле «торговцы в своей массе жаждали стать провинциальными дворянами, и когда им это удавалось, это было лучшим из их вложений» ([19, III. iv. 3, p. 411]). Улучшения в сельском хозяйстве часто делались отошедшими от дел торговцами – новоиспеченными провинциальными дворянами, у которых сохранялся ярко выраженный дух предпринимательства, утраченный «старыми» владельцами [19, III. iv. 3, p. 411; 16].

Смит также анализирует реакцию верховной власти на те же самые изменения, причиной которых был рост торгового богатства. Так как государь сочетал в одном лице частные и общественные функции, последствия его решений были в какой-то степени неоднозначными. Смит пишет, что «неосведомленность той эпохи [имеющая место среди наций, которые мало знали о торговле и мануфактурах] позволяла иметь лишь немногие из безделушек, из которых слагалась эта пышность... В стране с развитой торговлей, изобилующей разнообразными дорогостоящими товарами, государь, так же как и почти все крупные собственники в его владениях, естественно, тратил значительную часть своего дохода на покупку этой роскоши. Собственная страна и окружающие государства снабжали его в изобилии дорогостоящими безделушками, из которых состояла блестящая видимость великолепия двора» [19, V. iii. 2–3, p. 908]. А так как в периоды мира государи тратили свой доход на пустяки и безделушки, в годы войны им приходилось залезать в долги.

К несчастью, «накопление громадного долга, который в настоящее время угнетает, а в будущем может разрушить все крупные государства Европы, также было повсеместным» ([19, V. iii. 10. p. 911]). Даже если Смит не был поглощен мыслями о существовании государственного долга в силу того, что «одновременно с появлением [торговли], как правило, возникает не только потребность в заимствовании, но также появляются и возможности ее удовлетворения», торговля создавала условия, при которых становились возможны напрасные расходы государя на безделушки, ведущие к краху такого общества [19, V. iii. 5–6, p. 910] (позицию Смита по вопросу о государственном долге см.: [11]).

Поведение хищных торговцев и промышленников в обществе с развитой торговлей является еще одним примером ситуации, когда желание улучшить свое положение способствует совершению предосудительных с моральной точки зрения поступков, нарушающих, в свою очередь, связь между действительным улучшением положения индивидуумов и общества.

Смит пишет, что торговля и промышленность способствовали появлению «порядка, хорошего управления и, вместе с ними, свободы и безопасности индивидуумов... Хотя эти последствия были наименее заметны, они имели наибольшее значение» [19, III. iv. 4. p. 412] (подробный анализ данного вопроса см.: [16; 14]). Торговля порождает «регулярное отправление правосудия», являющееся основой коммерческого процветания. Однако первопричина таит в себе угрозу. Правосудие, прогресс которого был вызван запросами торговли, может стать жестокой и несправедливой системой.

Действительно, мы можем прочесть в [18], что «иногда интересы определенных групп людей, подчинивших себе правительство, приводят к извращению положительных законов страны и их отклонению от предписаний естественной справедливости» [18, VII. iv. 36, p. 340–341]. Смит пишет, что «нанесение какого бы то ни было ущерба интересам любой из групп граждан исключительно в угоду требованиям другой группы находится в явном противоречии с теми принципами справедливого и равного обращения, которых верховная власть должна придерживаться в своих отношениях со всеми подданными» ([19, IV. viii. 30, p. 654]). Как раз в этом состоят действия некоторых крупных купцов и промышленников при наличии возможностей получения больших барышей, которые возникают благодаря привилегиям, предоставляемых правительством.

Купцы и промышленники превратились в угрозу для системы правосудия. Меркантилистские законы не только не были справедливыми, наоборот, они были такими несправедливыми, что Смит пишет следующее: «Осмелюсь утверждать, что самые безжалостные пункты нашего налогового законодательства кажутся мягкими и умеренными в сравнении с некоторыми из положений, принятых законодателем под давлением ропщущих купцов и мануфактуристов в поддержку их абсурдных и тягостных монополий» ([19, IV. viii. 17. p. 648]).

Желая улучшить свой имидж в глазах окружающих, купцы и промышленники, проживающие в богатом обществе с развитой торговлей, имеют в своем распоряжении великолепный, хотя и не одобряемый окружающими, способ достижения этого. Если правительство предоставит им монопольные права, то беспрецедентные богатства, возникающие в торговле, могут быть сконцентрированы в их руках.

Пользуясь метафорой, предложенной во введении, выразим мнение, что у торговцев и промышленников возникает желание нарушить баланс добра и зла. Поступая подобным образом, они увеличивают свои богатства и статус за счет остальных членов общества. Они не собираются обращать внимание на моральную сторону поведения потому,

что обладание монопольной властью дает им возможность накопить крупное состояние, которое позволит поднять их статус в глазах других людей. Их крупные материальные приобретения заставляют нас простить и забыть о том, что для достижения победы были использованы предосудительные способы.

Меркантилистская политика, направленная на предоставление монополий жадным и амбициозным купцам и промышленникам, не является самой выгодной для общества. Наоборот, она ведет к обнищанию общества [19, IV. viii. с.43, р. 604]. Фактически купцы и промышленники являются «категориями населения, интересы которых никогда в точности не совпадают с интересами общества. В целом они заинтересованы в обмане и даже в угнетении населения и, соответственно, неоднократно занимались этим» [19, I. xi. р. 10, р. 267]. Смит пишет, что «в этом отношении их интересы прямо противоположны интересам большинства населения» [19, IV. iii. с. 9–10, р. 493–494].

Там, где имеется достаточно много богатства и присутствуют возможности получать хорошую прибыль, индивидуумы имеют побудительные мотивы к тому, чтобы вести себя морально предосудительным образом и демонстрировать те немисливо огромные богатства, которыми они теперь располагают. Выгоды индивидуального купца и промышленника очень велики, но так же значителен и ущерб общества.

В качестве сил, противостоящих данным угрозам, выступают, по всей видимости, сама торговля и зачатки гражданского духа [19, IV. vii. с. 47–54, р. 607–610; 18, IV. 1.11, р. 184–187] (среди недавних работ см.: [2; 5]). Но оба средства дают временное, а не окончательное решение проблемы. Наш гражданский дух слишком слаб, и лица, занимающиеся поиском ренты, вмешиваются в функционирование рыночной системы. Даже если торговля обеспечивает достаточно большие выгоды для того, чтобы компенсировать негативные моменты, действия лиц, занимающихся поиском ренты, продолжают приносить ущерб, так как никто не будет отменять однажды предоставленные привилегии.

И действительно, Смит убежден, что «ожидание полного восстановления свободы торговли в Великобритании когда-либо – это такой же абсурд, как и надежда на учреждение Океании или Утопии на ее территории. Не только предубеждения населения, *но и куда более могущественные частные интересы многих индивидуумов с неодолимостью противодействуют этому*» (курсив наш. — М. П.) ([19, IV. ii. 43, р. 471]) (среди недавних работ, содержащих формальный анализ данной проблемы, см.: [20]). Таким образом, ущерб, наносимый крупными купцами и промышленниками, присутствует всегда.

Анализ поведения людей, вступающих во фракции, близок, если не идентичен, рассмотренным выше положениям. Люди вступают во фракции во время гражданских или религиозных войн необязательно для улучшения своего материального положения, а ради приобретения суетной славы и получения немедленного одобрения [18, III. 3.42, р. 154–155]. Тем не менее эти случаи могут рассказать нам о том, как искушение получить большую выгоду может подвигнуть человека на использование аморальных средств.

Смит осуждающе относится к фракциям потому, что они «вносят [наибольший] вклад в разложение нравственности» [18, III. 3.43, р. 156]. Действительно, если человек «изначально желает доставлять удовольствие и не хочет наносить обиды своим братьям», а его «братья» участвуют в политических фракциях, прибегающих к насилию, то люди будут вступать во фракции, которые им ближе по духу, способствуя сохранению и усилению жестокости [18, III. 2.6, р. 116].

Группа людей может сама для себя стать законодателем моральных правил, разрушая в перспективе общественный мир и гармонию и создавая опасность для жизни многих людей^{4*} [18, III. 3.43, р. 155]. Одобрение членов фракции приносит индивидууму выгоды,

которые намного превышают затраты, возникающие в результате использования презренных методов достижения фракционной победы.

III. Одобрение и увеличение благосостояния индивидуума и общества

Если одобрение, получаемое в результате обладания материальными богатствами, не сочетается с одобрением, основанном на нравственном поведении, то благосостояние либо индивидуума, либо общества может не улучшиться. Однако когда одобрение, получаемое в результате обладания материальными богатствами, сочетается с одобрением, основанном на нравственном поведении, то возникает тенденция к увеличению благосостояния как индивидуума, так и общества.

[19] вполне обоснованно получила известность благодаря идее о том, что преследование собственных интересов увеличивает благосостояние как индивидуума, так и общества. Воспроизводить аргументацию в поддержку данного положения нет необходимости^{5*}. Если аргументы, предложенные в [19], рассматривать в свете положений, сформулированных в [18], то доказательство становится еще более убедительным (см., напр.: [15; 16]).

Желаемое индивидуумом одобрение складывается из одобрения, получаемого в процессе демонстрации материального состояния, и одобрения, связанного с нравственными составляющими поведения. Одобрение, получаемое благодаря нравственному поведению, может быть заработано различным образом, например с помощью способа, используемого индивидуумом для накопления материального состояния.

Так, в [18] Смит описывает сына бедного человека, мучимого тщеславием, который стремился к «богатству и величию». За небольшой срок он испытал «больше физического утомления и беспокойства, чем он мог бы претерпеть за всю свою жизнь от их недостатка... не щадя себя, он работал день и ночь... он служил тем, кого ненавидел, и угождал перед теми, кого презирал» ([18, IV. i. 8, p. 181]).

Тем не менее можно предположить, что сын бедного человека, став, наконец, богатым, получил «то огромное уважение, с которым все люди относятся к твердой настойчивости, сочетающейся с бережливостью, трудолюбием и старанием, несмотря на то, что они были направлены исключительно на приобретение богатства. Твердая стойкость человека, который прикладывал величайшие усилия тела и духа, вызывают наше одобрение. Следовательно, мы не только одобряем, но и, в определенной мере, восхищаемся его поступками, считая их достойными большого одобрения. Именно сознание заслуженности этого одобрения и уважения само по себе способно направить поведение людей в указанном направлении» ([18, IV. 2. 8, p. 189–190]).

«В последние мгновения своей жизни» разбогатевший сын бедного человека может осознать, что он не счастливее «нищего, греющегося на обочине шоссе», так как, по Смицу, счастье определяется тем самым спокойствием, которое пропадает из-за желания улучшить материальное положение (о различии между счастьем, материальным комфортом и одобрением см.: [14]). Тем не менее сын бедного человека улучшил свои условия, более того, сделал это допустимым с моральной точки зрения способом. Он не только приобрел материальный комфорт и связанное с ним одобрение, но и получил положительную оценку усилий, с помощью которых он добился своего богатства. И улучшая свои условия, он также способствовал процветанию общества.

Действительно, Смит заявляет: «Удовольствие от богатства и величия, рассмотренное с различных точек зрения, поражает воображение как нечто возвышенное, прекрасное и благородное, достижение которого стоит тяжелого труда и беспокойств, охотно

претерпеваемых ради него. Именно оно в первую очередь побуждало их [людей] обрабатывать землю, строить дома, основывать города и государства, придумывать и развивать все науки и ремесла, которые облагородили и украсили жизнь людей, полностью изменив весь облик земного шара. Оно преобразовало дикие заросли природы в милые сердцу плодородные поля, превратило нехоженный и бесплодный океан в новый запас средств существования и установило через него великий и интенсивный путь сообщений с различными странами на земном шаре. Труд людей увеличил естественное плодородие земли и число жителей, которое она могла прокормить» ([18, IV. 1.9–10, р. 183–184]).

По-видимому, согласно Смиту, до тех пор, пока люди, которых разгневанные небеса покарала тем, что дали им честолюбивые устремления, будут следовать дорогой морали, благосостояние как индивидуума, так и общества будет увеличиваться.

Заключение

Таким образом, обе книги Смита [18] и [19] — основаны на предположении, что желание улучшить свое состояние и получить одобрение других людей является побудительным мотивом деятельности человека. Хотя желание получить одобрение действительно во многих обстоятельствах увеличивает благосостояние индивидуума и общества, оно также может причинить им ущерб.

Одобрение достигается как с помощью соответствующего морального поведения, так и благодаря богатству. Но достаточно высокий уровень богатства может повлиять отрицательно на нравственность и послужить причиной бедности индивидуумов и нарушения функционирования общества. Если общество достаточно богато, то возникают довольно весомые побудительные мотивы к тому, чтобы полагаться на богатство в достижении одобрения. В этом случае существует вероятность того, что индивидуумы, пытаясь выглядеть лучше в глазах других людей, будут в действительности ухудшать свое положение или благосостояние общества. Следовательно, можно считать, что меркантилистская политика и разорение феодальных лордов являются следствиями естественного желания улучшить свое положение путем демонстрации богатства с целью получения одобрения.

При достаточном количестве богатства желание улучшить свои условия с целью получения одобрения других людей может не всегда иметь выгодные последствия для индивидуума или общества. По Смиту, торговля и богатство являются положительными следствиями нашего желания получить одобрение и причинами улучшения благосостояния индивидуума и общества, в котором он проживает. Но они также являются возможной причиной разорения индивидуума и общества, так как создают такие соблазны, против которых трудно устоять.

* Автор выражает благодарность Эрику Шляйзеру за неоценимую помощь, без которой эта статья не была бы возможна; Тайлеру Коуэну за его постоянную поддержку; Тодду Сивэй и участникам конференции 2006 RIT, на которой был представлен первоначальный вариант данной статьи. Автор также крайне признателен двум анонимным рецензентам за их полезные замечания и предложения.

²* Современную трактовку см. в: [10; 3; 2]. Сравните с интерпретацией, имеющей место в подавляющей массе работ, написанных в конце XIX столетия в Германии, согласно которой [19] и [18] противоречат друг другу или, по крайней мере, являются книгами, не имеющими между собой ничего общего. Среди последних, хорошо документированных обзоров литературы см.: [9; 13; 6].

³* См. анализ формирования ставки заработной платы в главе 10 книги [19]. Значительные изменения благосостояния способны повлиять на социальное положение человека и одобрение, получаемое им на основе статуса. Как следствие, ради повышения статуса люди имеют склонность участвовать в крупных и дорогостоящих авантюрах, например, пытаются преуспеть в некоторых профессиях с высоким уровнем конкуренции (см.: [8]).

^{4*} Как и желание улучшить материальное положение, стремление к получению одобрения путем участия во фракции может, в зависимости от обстоятельств, принести либо выгоду, либо ущерб обществу. Неизбежные «гражданские разногласия» соперничающих фракций, согласно Смиту, представляет собой одну из «двух ситуаций, предоставляющих наиболее блестящие возможности для выражения патриотизма» [18, VI.ii. 2.13, p. 232]. Если лидер «успешной партии» обладает «достаточным авторитетом среди своих товарищей для того, чтобы действовать с надлежащей сдержанностью и умеренностью... [он] может восстановить или улучшить конституцию», и, следовательно, «гарантировать многим последующим поколениям сограждан спокойствие и счастье» [18, VI.ii. 2.14, p. 232].

^{5*} Процесс усвоения идеи о том, что стремление индивидуума к улучшению своего положения создает положительные последствия для общества, рассмотрен во многих работах, в том числе в [17].

1. *Cropsey J.* Polity and Economy: With Further Thoughts on the Principles of Adam Smith. South Bend: St. Augustine's Press, 2001 (1957).
2. *Evensky J.* Adam Smith's Moral Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
3. *Fleischacker S.* On Adam Smith's Wealth of Nations: A Philosophical Companion. Princeton: Princeton University Press, 2004.
4. *Forman-Barzilai F.* Smith on 'connexion', culture and judgment // New Voices on Adam Smith / Ed. by E. Schiesser, L. Montes. London: Routledge, 2006.
5. *Hanley R., Paganelli M. P.* Adam Smith on Money, Mercantilism and the System of Natural Liberty // Money and the Enlightenment / Ed. by D. Carey. Oxford: Voltaire Foundation.
6. *Hueckel G.* 'In the Heat of Writing': Polemics and the 'Error of Smith' in the Matter of the Corn Bounty // The Elgar Companion to Adam Smith / Ed. by J. Young. Edward Elgar. Forth coming.
7. *Levy D.* The Partial Spectator in the Wealth of Nations: A Robust Utilitarianism // European Journal of the History of Economic Thought. Vol. 2. 1995. P. 299–326.
8. *Levy D.* Adam Smith's Katallatic Model of Gambling: Approbation from the Spectator // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 21. 1999. P. 81–91.
9. *Montes L.* Adam Smith in Context: a critical reassessment of some central components of his thought. New York: Palgrave Macmillan, 2004.
10. *Otteson J.* Adam Smith's Marketplace of Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
11. *Paganelli M. P.* Vanity and the Daedalian wings of paper money in Adam Smith // New Voices on Adam Smith. London and New York: Routledge / Ed. by E. Schiesser, L. Montes. 2006. P. 271–289.
12. *Paganelli M. P.* The Adam Smith Problem in Reverse: Self-Interest in Wealth of Nations and Theory of Moral Sentiments // History of Political Economy. 2008. N 2 (Summer). P. 365–382.
13. *Peters-Fransen.* The Canon in the History of the Adam Smith Problem // Reflections on the Classical Canon in Economics / Ed. by E. L. Forget, S. Peart. London: Routledge, 2000.
14. *Rasmussen D.* Does 'Bettering our Condition' Really make us Better off? Adam Smith on Progress and Happiness // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. N 3 (August). P. 309–318.
15. *Rosenberg N.* Adam Smith, Consumer Tastes, and Economic Growth // The Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. N 3 (May-June). P. 361–374.
16. *Rosenberg N.* Adam Smith and the Stock of Moral Capital // History of Political Economy. 1990. 22.1 (Spring). P. 1–17.
17. *Samuels W.* Some Preliminary Conclusion on the Use of the Concept of the Invisible Hand. Working paper presented at the HES conference. 2007.
18. *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments. Indianapolis: Liberty Fund, 1984 (1759).
19. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Indianapolis: Liberty Fund, 1981 (1776).
20. *Tullock G.* The Transitional Gain Trap // Bell Journal of Economics. Vol. 6. N 2 (Autumn). P. 671–678.
21. *Viner J.* Adam Smith and Laissez Fair // Journal of Political Economy. 1927. Vol. 35. N 2 (April). P. 196–232.
22. *West E.* Adam Smith on the Cultural Effects of Specialization: Splenetics versus Economics // History of Political Economy. 1996. Vol. 28. N 1 (Spring). P. 83–105.
23. *Zweynert J., Goldschmidt N.* The Two Transitions in Central and Eastern Europe as Processes of Institutional Transplantation // Journal of Economic Issues. 2006. XL:4 (December). P. 895–918.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2009 г.